

Сергей Евгеньевич Алтынов
Русский ниндзя

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174732
Болевой прием: Эксмо; М.: 2008
ISBN 978-5-699-26722-4*

Содержание

Пролог	4
Лето 2000 года	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Алтынов Русский ниндзя

*Моя сила – в моем упорстве,
Учтивость к учителям – единственное
тепло во мне,
Моя власть – это я сам,
Железо – мое тело,
Мое решение – это мой закон!
Понимание сути без размышлений —
мой меч!*

Из кодекса воина клана Тогакурэ. XVII век

Пролог Осень. 1989 год

– Не люблю психов. А эти ребята – явно тронутые! Или законченные отморозки...

– Помолчи. Кого ты любишь – не любишь, мне не интересно.

В салоне джипа снова воцарилась тишина. Красавец «Лэнд Крузер» не спеша, с достоинством катил по ухабистой подмосковной бетонке, в стороне от главных магистралей. Более молодой пассажир, тот, что недолюбливал психов, пожал плечами и пригладил едва заметный ежик на затылке – ну, не интересно шефу, и не надо, хозяин – барин, можно и помолчать, хотя показать свою эрудицию очень хотелось.

Старший, не особо уважающий чужое мнение и говорящий с едва уловимым кавказским акцентом, оставался величественно неподвижен. Сидел, точно памятник самому себе, уставившись сквозь затемненное стекло автомобиля в какую-то бесконечно далекую точку.

Водитель молчал. Он вообще был скуп на реплики – знал свой шесток, которым очень дорожил. Как-никак личный водитель большого босса – должность престижная, бабки – обалденные, тачка – круче не бывает, работа – непыльная. Возможны, правда, варианты, вредные для здоровья, вот как сейчас, например... Рука водителя непроизвольно оторвалась от баранки и поправила подмышечную кобуру с «люгером».

– А чалился¹ этот Рошин, разумеется, по 177-й²? – полуутвердительно произнес старший, прервав затянувшееся молчание.

– Эх, Тенгиз Георгиевич, – хмыкнул молодой и стриженный. – Там дела были покруче – следствие-то поначалу комитет вел, а не менты! Поначалу вообще на «вышак» выходило – создание подпольной террористической организации! Но что-то там у комитетских не состыковалось, и дело ментам перебросили. А те уж от души постарались – и хранение холодного оружия, и незаконное предпринимательство... Адвокат, однако, дельный оказался. А может, власти смягчились – одну 177-ю оставили.

Тот, кого называли Тенгизом Георгиевичем, ничего не ответил, но по его горбоносому одутловатому лицу было видно, что информация не прибавила ему оптимизма. Хотя,

¹ Чалиться – отбывать наказание в местах лишения свободы.

² Ст. 177 (бывш. УК) – нарушение правил обучения карате.

конечно, 177-я – это несерьезно. Сам Тенгиз Георгиевич в свое время успешно соскочил с 77-й³, а это вплоть до высшей меры. Опять же – адвокат дельный попался...

– А почему нам надо с ними в таком, ну-у... неудобном месте встречаться? – Молодой явно тяготился вновь наступившим молчанием.

– Темный ты, Сеня. Кто есть ху по гамбургскому счету, всегда выясняют на нейтральной территории. Ты хоть понял, о чем речь? – Сеня понял, но чтобы сделать шефу приятное и заодно продолжить разговор, помотал головой отрицательно.

– Еще со времен Поддубного у цирковых борцов повелось приписывать себе все титулы, какие только можно придумать – чемпион всех континентов, всего мира, чемпион чемпионов... А чтобы разобраться между собой, кто чего стоит на самом деле, борцы традиционно, раз в год, за свой счет собирались не у кого-то в цирке, а в одном подвальчике в Гамбурге, на нейтральной территории, и боролись всерьез, без дураков, в смысле не только без зрителей, но еще и в полную силу, и притом без подлянок. Вот и получается, что по гамбургскому счету – это значит не для фраеров, а честно, по понятиям. После этого называй ты себя для рекламы хоть фараоном египетским, но между своими знай свое место, потому как известно, кто ты есть по гамбургскому счету. И счет этот разглашать было нельзя. Хотя, конечно, кому надо, тот знал, кто есть ху по гамбургскому счету. Понял теперь?

– Теперь понял! Спасибо, Тенгиз Георгиевич! А если...

– Вон они, голуби, уже нарисовались, – прервал Сеню водитель, притормаживая. Правая рука снова сама нырнула под куртку. – А вот и Серый, точно по протоколу...

– Их двое! – В салон просунулась голова Серого. Круглая, стриженная почти под ноль. Голова насажена на толстую шею, а шея – на еще более толстую тушу в малиновом пиджаке и черных, с широкой мотней брюках – в его кругу стандарт телосложения, прически, прикида и образа жизни соблюдался куда более неукоснительно, чем у политиков и манекенщиц.

– Одеты фраера легко, – продолжил Серый, – стволов не видно. Двоих наших я поставил у ворот, и еще троих слева, где строительные бытовки.

– Ну что ж, – произнес Тенгиз Георгиевич и, выдержав паузу, небрежно кивнул молодому: – Пошли, Сеня.

Двое, о которых шла речь, выглядели по сравнению с пассажирами джипа непрезентабельно: невысокий, очень худой, но при этом широкоплечий и жилистый мужчина средних лет и совсем молодой пацан, немного повыше ростом. Они стояли неподвижно – точно вросли в мокрую глину по-осеннему унылого пустыря.

Тенгиз Георгиевич остановился, не дойдя пары шагов, Сеня и Серый притормозили, следуя протоколу, чуть позади, настороженно разглядывая застывшую пару. Мужчина и пацан молчали, с обидным равнодушием наблюдая за увязшей в грязи троицей – толстым, запакованным в модный плащ кавказцем и его глыбообразными сопровождающими.

– Что не здороваешься, Миша? – не выдержал молчания Тенгиз Георгиевич. Сеня и Серый удивленно переглянулись – слова шефа прозвучали неожиданно любезно и даже как-то неуверенно.

– Здравствуй, Тенгиз, – обыденным голосом проговорил старший мужчина, по-прежнему оставаясь неподвижным.

– О! Даже имя мое знаешь, приятно... – Кавказец растянул тонкогубый рот, но улыбки не получилось.

– Тебя многие знают, – пожал Михаил худыми широкими плечами, проявив этим хоть какие-то эмоции.

³ Ст. 77 (бывш. УК) – бандитизм.

– Это верно, – теперь подобие улыбки было более искренним. – И, как ты понимаешь, Миша, я не к каждому так вот запросто на свидание являюсь.

– Вот и давай ближе к делу. – Обидные по смыслу слова прозвучали настолько спокойно и равнодушно, что кавказец счел возможным не обижаться.

– Правильно, дело есть дело, а времени у нас мало. Значит, так, Миша... – Тенгиз Георгиевич с интересом ощупывал глазами фигуру собеседника. – Я таких ребят, как ты, уважаю и даже люблю. И даже готов оставить тебя и твое заведение... Гм... Готов дать тебе возможность действовать по твоему усмотрению. Вот только хочу сам, своими глазами, убедиться, какой может быть от этого результат. Короче, хочу увидеть, *что* твой ученик может. Не на ковре, не на этом вашем, как его... договорном тотализаторе, – губы кавказца брезгливо сморщились. – А вот здесь, прямо сейчас. На природе, – черные блестящие глаза-маслины переместились с Михаила на его юного спутника.

Парень молчал. Он казался невозмутимым, даже расслабленным.

– Как твое имя, мальчик? – Слова Тенгиза Георгиевича были ласковые, а голос – как сталь по стеклу.

Ответа не последовало. Парень смотрел сквозь кавказца в какую-то точку за горизонтом, губы слегка улыбались.

– Ты, детка, отвечай, когда люди спрашивают, – вступил в беседу Семен. – Мы хотим знать, что на могильной плите чеканить.

Серый дернул углами рта, улыбнулся и Тенгиз Георгиевич – на этот раз вполне натурально. Тем временем с противоположной стороны пустыря показался микроавтобус. Семен махнул рукой, указывая направление. Машина двигалась медленно, иногда пробуксовывая в грязи и подскакивая на буграх пустыря. Наконец она остановилась в нескольких шагах от всей честной компании.

– Это бойцы, Миша. Серьезные ребята. Вскормленные и натасканные в моих конюшнях, и не для забавы, – пояснил Тенгиз, когда из микроавтобуса появились два двухметровых мордovorота в спортивных костюмах, под которыми бугрились впечатляющие бицепсы. – Они участвуют в реальных боях...

– С цветочными торговцами? – вежливо предположил Михаил.

– Не только, Миша, – улыбка Тенгиза вновь стала похожа на бульдожий оскал.

Гиганты тем временем имитировали разминку – поочередно поигрывали могучими мышцами плеч, бедер, шеи, вращали кисти рук, как бы невзначай принимая позы культуристов и бросая при этом лениво-презрительные взгляды на Михаила. Его младшего партнера они, казалось, в упор не замечали.

– Я бьюсь сразу с обоими? – впервые заговорил он, обращаясь при этом только к учителю – Михаилу, как будто остальных для него не существовало. Голос у парня был какой-то отстраненный, низкий и твердый, совсем не вяжущийся с общим обликом студента, живущего с прохладцей, вчерашнего школьника.

– Как считаешь, Тенгиз Георгиевич? – прищурился Михаил.

– Борзой у тебя мальчик, Миша. Но мне его крови не нужно. Сначала пусть с первым, а там посмотрим. Если пройдет его – будет со вторым, – кавказец говорил внятно, с расстановкой, и по голосу его стало ясно, что любезности и шутки кончились.

Поединок начался без традиционного в восточных единоборствах взаимного раскладывания. Первый амбал с ходу обрушил целую серию кикбоксерских ударов в голову молчаливого парня. Однако тот, лишь слегка порвав дистанцию, легко от них уходил – назад, в сторону, в другую, и увесистые кулаки всего лишь прошивали воздух. То же самое произошло, когда амбал попытался сбить парня с ног ударом ребра стопы под коленную чашечку. Молчаливый так же легко в последний момент убрал из-под удара ногу – одну, потом вто-

рую – и отступил назад. Это приободрило амбала – приписав этот уход страху перед его кулачной мощью, он попер вперед, рассчитывая поймать противника на удар. Еще секунд двадцать рисунок боя не менялся – амбал вхолостую молотил воздух, а его противник уклонялся, отступал то вбок, то назад. Так они и двигались по пустырю, точно танцевали капоэйру – бразильский боевой танец.

- Что скажешь? – тихо поинтересовался Семен, толкнув Серого в бок.
- Тай-собакэ владеет дай бог каждому, – криво усмехнулся Серый.
- Какой собакой? – обернулся Тенгиз, на миг отвлекшись.
- Тай-собакэ. Искусство ухода от контакта в карате-до, – пояснил Серый.

Отвлекшись вопросом о собаках, зрители прозевали кульминацию – уклоняясь и отступая, парень ненавязчиво и аккуратно подвел своего визави к самому краю вырытой строителями траншеи. И когда амбал начал проводить очередную ребродробительную серию, пацан одним длинным прыжком назад, не оглядываясь, перепрыгнул траншею, а амбал неуклюже рухнул в нее.

– Я его и пальцем не тронул, он сам упал! – Победитель вновь перепрыгнул траншею и опять стоял спиной к ней, улыбаясь беззаботно, почти весело, и вроде не интересуясь тем, что происходит сзади.

А сзади возник амбал, матерясь сквозь стиснутые зубы и стряхивая земляные комья. Бешеный замах... Еще секунда – и парень рухнет под смертельным, строго запрещенным ударом ребра ладони сзади под ухо...

...Однако этого не произошло – чугунная ладонь лишь рассекла воздух в сантиметре от шеи парня, и тот, чуть подсев, вдруг взвился вверх и рывком провернул корпус почти на полный оборот вокруг своей оси. За корпусом, как праща, со свистом пролетела нога – блестяще, как в балете, выполненный удар ребром стопы под сердце. Амбал падает, точно кегля, и зарывается носом в песок.

– ... А вот теперь пришлось тронуть, – на сей раз без улыбки сообщает парень зрителям.

- Давай со вторым! – командует Семен. Тенгиз Георгиевич молча кивает головой.

На сей раз молчаливый парень круто изменил тактику. Вместо мягких, на первый взгляд пассивных уходов от контактного боя, которые большой теоретик восточных боевых искусств Серый определил как систему тай-собакэ, парень жестко блокировал удары противника, не выходя, впрочем, за рамки оборонительной стратегии. Система укэ-ваза⁴, поспешил прокомментировать эксперт Серый и тут же пояснил Тенгизу: пацан спасается как может, понял, что с этим противником у него тай-собакэ не пройдет...

А противник у парня на этот раз действительно был куда выше классом. Этот не молотил впустую озоновый слой, он атаковал короткими, сильными, целенаправленными тычками. Но каждый такой удар неизменно попадал не туда, куда был нацелен, – непробиваемым щитом поочередно становились то предплечье, то ребро ладони, то скрещенные руки, то запястье... Амбал все больше входил в роль молота, работающего с наковальней, – и поплатился. Блокировав очередной удар, пацан вроде подставил плечо под следующий – и вдруг провел молниеносный боксерский кросс⁵ в челюсть. Противник устоял на ногах, но на секунду-другую «поплыл», и роль молота сразу же перешла к его оппоненту: этих секунд юноше вполне хватило, чтобы обработать печень и солнечное сплетение. Амбал оказался на коленях, затем – в партере, и уже несильный, балетный удар большим пальцем ноги под ухо заставил его растянуться на земле во весь свой двухметровый рост.

⁴ Укэ-ваза – специальная техника блоков в карате-до.

⁵ Кросс (боксерский термин) – короткий, но сильный удар на ближней дистанции.

– Вот тебе и собаки-укиваки, – озадаченно хмыкнул Семен. Осведомленный подручный промолчал. Не торопился со словами и Михаил, а его молодой товарищ был, судя по всему, от природы скуп на слова и щедр на дело.

– Так, Миша... Удивили вы меня, господа хорошие, – к Тенгизу вернулась былая любезность, но теперь в ней ясно звучали огорчение и обескураженность.

Впрочем, два неподвижных тела на земле и возвышающийся над ними худенький юноша обескуражили бы кого угодно. Победитель был по-прежнему невозмутим, дыхание не сбилось – точно и не было нескольких минут ожесточенного, грозящего увечьем, а то и смертью поединка.

– Нашатырь есть? – поинтересовался Михаил и тут же пояснил: – Ребята всего лишь в легкой отключке, нюхнут разок, встанут и пойдут сами – не тащить же их волоком...

– Значит, так! – решительно произнес Тенгиз, уже не глядя на распластанные тела своих бойцов. – Семен, давай, – кивнул он подручному, и тот шагнул вперед, держа в руках извлеченный все из того же джипа «дипломат».

– Это задаток, Миша, – проговорил Тенгиз, а Семен распахнул «дипломат», представив всеобщему обозрению несколько пачек зеленых купюр. – С сегодняшнего дня ты работаешь у меня. Платить буду прилично, не так, как этому мясу. – Кавказец презрительно дернул головой в сторону своих недавних фаворитов. Один из них пошевелился и сделал попытку встать, но не хватило то ли сил, то ли желаний.

– Тенгиз, – негромко произнес Михаил. Он даже не взглянул на содержимое «дипломата». – Мне говорили, что ты хозяин своего слова. А уговор у нас был иной.

Тенгиз с минуту пристально смотрел на Михаила, затем, скривив золотозубый рот, устало проронил:

– Ну что ж, я хотел как лучше... Для тебя и для него, – кавказец кивнул в сторону победителя. – Но если ты уперся – ладно, я сдержу свое слово. Убери! – раздраженно приказал он застывшему в изумлении Семену, тот поспешно запахнул «дипломат» и отступил назад. – Да, я сдержу свое слово. Можешь и дальше дрессировать пацанов в своем подвале. И ни мои орлы, ни «залетные», ни менты с санэпидемстанцией... никто больше туда к тебе не сунется. Я своему слову хозяин, – в третий раз повторил Тенгиз. – Ну, а ты, победитель... – повернул он наконец голову от учителя к ученику. – Как все-таки твое имя?

– Илья, – коротко отозвался тот.

– Смотри-ка – прямо былинный богатырь! Илья Муромец! – Одутловатое лицо кавказца тронула неожиданно мягкая, почти отеческая улыбка. – Ты отличный боец, Илья... Я очень люблю и *ЦЕНЮ* таких ребят, как ты. У тебя большое будущее и замечательный наставник! Но только, извини, не очень умный...

Илья ничего не ответил. Хранил молчание и замечательный наставник. Как и в начале встречи, оба они точно вросли в землю. Расставание, таким образом, прошло в полной тишине. Семен, Серый и подросшие водители микроавтобуса и джипа с трудом перевели поверженных амбалов в вертикальное положение и почти волоком потащили их к микроавтобусу. Следом, не оборачиваясь, шел Тенгиз, подчеркнуто высоко держа голову, как будто те, что шли впереди, не имели к нему никакого отношения.

– В зал больше не соваться! Оставим ребят на время в покое – пусть тренируются на здоровье, – уже в машине произнес Тенгиз. Он явно не был разочарован этой встречей, как могло показаться вначале. – Кстати, Семен, что это за стиль? Разновидность карате? Ушу?

– Это, Тенгиз Георгиевич, называется ниндзюцу, – мрачно пояснил Сеня, уже просвещенный Серым.

– Что-что? В первый раз слышу.

– Кино по виду про отряд ниндзя смотрели?

– Вот оно что... Выходит, эти парни – ниндзя?!

– Выходит, так, – пожал плечами Сеня и с убеждением добавил: – А по жизни психи они, а не ниндзя. От такой кучи баксов отказаться...

– Значит – ниндзя... – точно не слыша его, размышлял вслух Тенгиз. – Русские ниндзя. Ладно, разберемся, что за ниндзя. И чем их едят...

– Чем едят, разберемся, Тенгиз Георгиевич! – Оптимизм хозяина передался и верному подручному. Кое-что для него прояснилось.

Лето 2000 года

Август в подмосковной деревне – самая блаженная пора. Всякая садово-огородно-полевая продукция пыхтит и наливается, с каждым днем приближаясь к уборочной кондиции, работы все больше, но она еще не в тягость, азарт еще не растрочен, надежды на рекордный (или хотя бы не хуже, чем у людей) урожай еще не убиты засухой, дождями и двуногими (или четырехколесными) вредителями. Целые семейства трудятся не покладая рук и ног – убрать, законсервировать, довести до покупателя, продать и снова – убрать, довести, продать...

По деревенскому бродвею неторопливо двигался среднего роста, худощавый парень. Коротко подстриженный, со спортивной сумкой через плечо, года двадцать два – двадцать три, не более, на деревенского никак не похож.

– Простите, пожалуйста, – обратился он к двум девицам, обрывающим смородину за невысоким штaketником и одетым по случаю жары в шорты и бюстгалтеры – подмосковная деревня не желала оставаться на обочине цивилизации. – Простите, вы не подскажете, где дом 24?

Девыцы отозвались не сразу. Сперва переглянулись, состроив гримасы друг другу: вопрос был необычным и по форме, и по существу.

– А это дальше по улице, по той стороне, третий дом отсюда, – нараспев произнесла наконец та, что пониже ростом, с веснушками на круглом лице.

– Там сразу увидите, – добавила вторая, покрупнее, с короткой стрижкой. И пояснила: – Джунгли и никаких посадок.

– Большое спасибо, – поблагодарил парень и направился в указанном направлении.

Девыцы вновь переглянулись, повторив гримасы.

– Клевый мальчик... А, Настя? – провожая парня взглядом, проговорила крупная девушка.

– Ничего, – дернула худеньким плечиком веснушчатая.

– Надо же, к нашему колдуну прибыл! – продолжила первая.

– Да брось, Анька, какой он колдун? – отмахнулась Настя, возвращаясь к смородине.

– Колдун-людоед, любит рыжих на обед... – Аня проводила парня взглядом и присоединилась к подружке.

– Ладно тебе ерунду молоть, давай греби смородину! – Настины веснушчатые руки так и мелькали между кустом и кастрюлей, висевшей на шее.

– Да ты не бойся, он целок не употребляет... Ой, пусти, ягоды просыплешь!

М-да, такой двор с другим не спутаешь. Действительно – джунгли! И сам дом, расположившийся в глубине зарослей, напоминает угрюмую крепость с узкими бойницами вместо окон... При первом же толчке калитка неожиданно легко отворилась. Парень медленно двинулся по песчаной дорожке к высокому каменному крыльцу этого необычного для деревни дома.

На стук никто не ответил, и юноше ничего не оставалось, как слегка приоткрыть незапертую дверь, собранную из солидных полированных брусев.

– Кто-нибудь есть дома? – внятно произнес парень, с интересом осматривая просторную прихожую и широкий, ничем не загроможденный коридор. Казалось бы, ничего примечательного, но какое-то странное чувство – и даже не чувство, а непонятная сила не то притягивала, не то толкала его дальше в глубь этого странного дома.

Повторив вопрос и снова не получив ответа, парень осторожно двинулся по коридору. Но едва он сделал шагов пять, как деревянные половицы под его ногами громко заскрипели

– и даже не заскрипели, а прямо-таки заиграли какую-то странную пронзительную мелодию. Юноша остановился. И тут же обернулся назад на звук захлопнувшейся входной двери. Трижды лязгнул замок. Так. Кажется, он оказался в западне. Парень нерешительно застыл на месте, а потом сделал еще несколько шагов вперед. «Если не знаешь, куда шагать – шагай вперед», – вспомнились ему слова из какой-то книги. Половицы вновь запели свою пронзительную песнь.

– Привет! – неожиданно услышал он возле самого уха чей-то голос.

Среднего роста, очень худой, тонкокостный, но при этом широкоплечий мужчина с проседью в темных густых волосах вырос точно из-под земли, точнее, из стены. Одет он был в самые заурядные трикотажные тренировочные брюки и футболку черного цвета, жилистые руки свободно висели вдоль бедер, однако у вошедшего по спине пробежал знакомый холодок – что-то в позе мужчины давало понять, что его расслабленное тело готово к стремительным действиям.

– Здравствуйте... Извините, вы Рошин Михаил Петрович? – робко проговорил гость, невольно тушуясь под взглядом серых, почти стального цвета глаз хозяина.

– Рошин, – кивнул тот головой. Какой-то безразличный голос плохо вязался с пристальным, пронизывающим взглядом.

– Вы извините меня, пожалуйста, я без предупреждения... Я специально приехал к вам, – сбивчиво заговорил юноша.

– Давай короче, парень, – оборвал его уже откровенно усталым голосом хозяин.

– Я хочу... я прошу вас потренировать меня! – выпалил на одном дыхании юноша. – Вот... – Он поспешно полез в сумку. – Я готов заплатить...

– Это не важно, к чему ты готов – не готов, – покачал головой хозяин. – Ты меня с кем-то спутал, уроков для любознательных я никогда не давал и не даю.

– Но... Я специально сюда к вам! Я...

– Мне жаль твоего потерянного времени, – хозяин был непреклонен. – Поэтому не будем его приумножать.

– Послушайте! Я... – Парень никак не решался произнести самое главное.

– Не теряй времени, автобус на райцентр будет через пятнадцать минут. – Хозяин опустил взор, давая понять, что молодого гостя для него больше не существует.

– Но я... Я должен биться с Коршуном! – произнес наконец юноша. – И должен победить...

– Как ты сказал? – Реакция хозяина была моментальной, он поднял глаза, его невозмутимое, усталое лицо вдруг напряглось. – Ну-ка повтори!

– Я должен биться с Коршуном и победить его! – уже более связно и не отводя взгляда повторил гость.

– Откуда ты знаешь Коршуна? – быстро спросил Рошин.

– Я почти десять лет занимаюсь единоборствами, – впервые за все это время юноша позволил себе слегка улыбнуться. – А среди единоборцев Коршун – не последняя фигура. Да и в клуб Тенгиза Прангишвили приходилось заглядывать, где Коршун последнее время тренируется...

– Но ведь Коршунов уже года четыре не участвует в официальных соревнованиях, как же ты собираешься с ним биться?

– Это будет неофициальное соревнование...

– Слушай-ка, – хозяин неожиданно усмехнулся и кивнул на спортивную сумку на плече парня. – У тебя там, помимо денег и кимоно, справка из психдиспансера случаев не лежит?

– Представьте себе, нет! – с неожиданным вызовом парировал парень.

Михаил Петрович промолчал, неопределенно хмыкнул, повернулся спиной и вдруг... Провел резкий, рубящий удар ребром стопы в корпус юноши. Тот среагировал молниеносно

– грамотно выставил блок, однако удар был слишком силен, и парень улетел в самый конец коридора. Однако каким-то чудом он сумел сохранить равновесие, отбросить в сторону сумку и принять боевую стойку. Рошин провел атаку в область груди, и парень успешно блокировал ее. И тут же атаковал сам, причем весьма эффективно. Рошин даже отступил шага на полтора. Однако тут парень открылся – и сейчас же получил серьезный удар в голову, но координации не потерял и на ногах удержался. Теперь Рошин не торопился с атакой. Точно врос в пол, выжидательно смотрел в глаза парню, не выпуская при этом из поля зрения и его ноги. Наконец парень не выдержал и попытался достать Рошина ударом в прыжке. Но в последнее мгновение Рошин уклонился вбок, парень пролетел вперед и... неожиданно для самого себя провалился куда-то вниз, в темноту. В последний момент он успел-таки сгруппироваться, поэтому «приземление» было не столь болезненным, как могло бы быть...

Михаил Петрович быстро захлопнул крышку подпола (им же столь ловко открытую), подождал несколько секунд, затем снова распахнул ее.

– Ку-ку, боец! Жив? Кости целы? Ну, тогда вылезай! – прокричал он в темноту.

Из глубины показалась взъерошенная голова юного соперника.

– Падать умеешь! Что ж – тоже нужное умение, – Михаил Петрович подал юноше руку, помогая выбраться из погребка. – Ну и что ты знаешь о Коршуне? – вопрос прозвучал жестко и требовательно.

– Я знаю... – тяжело дыша после поединка, начал парень. – Я знаю, что десять лет назад он был вашим лучшим учеником.

– Одиннадцать, – негромко поправил его хозяин. – Как твое имя?

– Максим. – Парню удалось наконец стабилизировать дыхание. – Так вы будете меня обучать?

– На сегодняшний вечер и завтрашнее утро ты можешь остаться. Познакомимся поближе, а там посмотрим. – Это был не тот ответ, который хотелось услышать парню, но по тону хозяина он понял, что на большее пока рассчитывать не приходится. – Расположишься вон там, – Михаил Петрович кивнул на дверь в самом конце коридора.

Одиннадцать лет назад... Этот наивный, но, видимо, целеустремленный паренек своим появлением вновь вернул Наставника к тем дням. Впрочем, о тех днях Рошин и так никогда не забывал, и не смог бы забыть, даже если бы захотел. Железная воля и искусство саморегуляции были не властны над памятью.

А началось все даже не одиннадцать лет назад, а гораздо раньше, еще в далеком восьмидесятом первом.

– Как твое имя? – задал тогда Михаил Петрович тот же вопрос, что и сегодня Максиму.

– Илья... Илья Коршунов.

На вид худенькому пацану было не больше двенадцати. Одет бедно, и это заметно выделяло его на фоне других сверстников. Темные короткие волосы и недоверчивый взгляд. Даже затравленный, совсем не детский.

– Хорошее имя. А зачем ты пришел сюда, Илья?

Парень молчит. Конечно, он хочет научиться драться. Наказать всех своих обидчиков, а их у него, должно быть, немало. Но так отвечать не принято. Нельзя так отвечать, а врать, видимо, совестно, вот пацан и молчит.

– Я хочу заниматься карате, – произносит наконец он.

– Но я не обучаю карате, Илья.

Пацан молчит. Но не уходит. Молчит и Рошин.

– Я, Илюша, обучаю боевому искусству, – поясняет Рошин. – Боевому искусству ниндзюцу. Искусству, понимаешь?

Пацан поспешно мотает головой – мол, что же тут непонятного...

– А овладеть любым искусством, тем более боевым, может не всякий, – продолжает Рошин. – Далеко не всякий. Тот, кто просто хочет научиться драться, боевым искусством никогда не овладеет, у него просто не хватит терпения. А вот тот, кто готов постоять за справедливость, за добро... Вот такой человек может стать мастером. Не сразу, конечно же, это потребует огромного труда...

Пацан молчал.

Как-то по-книжному получилось, подумал тогда Рошин. Как на политинформации. Сейчас пацан уйдет. Уйдет навсегда, в подворотню. Его уж в школе, на уроках да на всяких собраниях такими фразочками трахали... Все равно что групповое изнасилование. Так что к казенным словам у него стойкий иммунитет, иначе бы и не выжил. А что он, Рошин, может еще сказать? Вон там, позади пацана, рядом с раздевалкой на скамеечке сидит дядя. Неприметный такой, не старый, не молодой. В штатском. Тихо так сидит, вопросов не задает. А как только ребята по домам разойдутся да уборщица ведрами греметь перестанет, вопреется в зал, не снимая обуви, и распахнет перед рошинским носом заветную красную книжицу.

– Я готов, – произносит неожиданно пацан, поднимая глаза. – Готов за справедливость...

Рошин улыбается, подмигивает пацану.

– Давай в раздевалку и на турник! Подтянешься десять раз – возьму!

Пацан подтянулся одиннадцать. Тянулся было, сжав зубы, на двенадцатый, но уже никак...

А дяденька в штатском потом подошел. И книжицу красную показал. И с тех пор, помимо своих учеников из спортклуба, стал Михаил Петрович Рошин натаскивать парней из всяких интересных ведомств. И продолжалось так около трех лет. Утром на госслужбе, вечером с ребятами для души...

...Ребятишек тех пятеро было, грамотных, тренированных. Рук заламывать не стали, но в кольцо взяли толково. И вновь красные книжицы с тремя грозными буквами, и очередная неприметная личность в штатском с постановлением на обыск и арест. Тут же наручники (быстро, ловко, профессионально – кто-то ребят обучил на славу!), далее двое по бокам, двое спереди, один сзади. Усадили в «воронок». Видать, кому-то наверху стал поперек горла Михаил Петрович. И, как потом выяснилось, не только он. За две недели закрылись все секции, заперлись все подвалы. И многие наставники из спортзалов переместились в стены следственных изоляторов.

– У нас в стране запрещено создание подобных обществ. Вы попадаете под действие 72-й статьи УК – создание антисоветской организации!

Следователь был высок и сух, как щепка. Невыразительная очкастая физиономия. Человек-параграф.

– Послушайте, – попробовал тогда объясниться Михаил Петрович. – Я ведь готовил наши спецподразделения ВДВ и ГРУ для Афганистана, преподавал рукопашный бой в школе милиции... Сам срочную в десанте служил, а из тех учеников, что были в Афганистане, ни один не погиб... Работал с пограничниками, с морпехами в «Казачьей бухте». Да и ваше ведомство меня привлекало для тренировки своих людей...

– Нам известно, чем вы занимались, – ответил усталый параграф. – И все ваши беседы с вашими учениками нам известны. Вы что думаете, вас просто так взяли, как случайного прохожего?

«И все ваши беседы известны...» Ни убавить, ни прибавить. Не спит недреманное комитетское око.

– Обучаете молодежь боевым приемам, – все тем же усталым тоном продолжил следок. – Опасное умение. С кем хотите бои вести? Против кого планируете направить приемы? Еще не решили? А может, ученики ваши без вас решат? Как сами думаете? Молчите? Что ж, в протокол эти вопросы не входят, можете не отвечать...

Позже Рошин узнает, что на «операцию» по его аресту было задействовано отделение контртеррористической группы «Альфа». 72-ю, по счастью, не дали – следок оказался все же не такой уж законченной сволочью. Осудили по стандартной 177-й, то бишь нарушение правил обучения карате. Им, законотворцам, один хрен – что карате, что тэквондо, что ниндзюцу. Раз ногами машут нерегламентированным способом в неподконтрольном властям месте, да еще организованной группой – пожалте сто семьдесят седьмую. Как сказал в обвинительной речи прокурор, тренер Рошин вероломно использовал в тренировочном процессе и соревнованиях чуждые советским людям идеи и ритуалы, способствующие развитию жестокости, беспощадности и индивидуализма.

Три года ИТК⁶ усиленного режима. Конфискация нехитрого имущества, далее – зона. За все время «командировки» Рошину ни разу не пришлось применять своих боевых навыков. Это в фильмах только – приходит крутой боец в камеру или на зону и тут же местных авторитетов своим кулачным умением на место ставит. В кино это – пожалуйста. А на зоне – свой порядок, своя иерархия. Нарушать ее, руками-ногами махая, можно раз-другой, ну – от силы третий. А там иерархия найдет управу, найдет неминуемо, будь у тебя хоть десятый дан. Здесь выжить можно, только четко поняв для себя, что ты за персонаж и где в здешней иерархии твое законное место. Не по ментовским, а по зонавским понятиям законное.

По зонавским понятиям Рошин был «мужиком». А «мужик», он прежде всего работает. Не бугром-бригадиром, а простым работягой. Потому мужики ни на какую власть среди блатарей не претендуют, но и не прислуживают. В дела блатных не встречаются, так как права такого им не дано. Ну, так для блатных зона – малая родина, потому им и порядки здесь устанавливать. Свои, зонавские порядки. А «мужику» потом к нормальной, не блатной жизни предстоит возвращаться, к своему, «мужицкому» порядку.

К слову некоторых «мужиков» блатные прислушиваются – вроде как противостоящие стороны прислушиваются к голосу нейтральных, неприсоединившихся. Однако это если только с абвером (то бишь оперчастью), с отделом режима, с прочей администрацией у «мужиков» никаких дел нет. Иначе – никакого нейтралитета, иначе – противостояние. Такое же, как у урок с администрацией.

Так вот от звонка до звонка и оттрубил Рошин почти все три положенных года.

Из всех парней его группы в ИТК Рошину писал только Илья. От него Рошин и узнал, что стало с остальными ребятами. Большая часть окончила институты и техникумы, посещала другие спортзалы от случая к случаю. Эдик Щукин получил пятнадцать лет за участие в ограблении инкассаторов и сопротивление работникам милиции. Двое довольно перспективных, крепких пацанов поступили на учебу в школу МВД и о Наставнике старались не вспоминать вообще. Еще один парень – Леша Горобцов – погиб в Афганистане, где проходил срочную службу, и был посмертно награжден орденом Красной Звезды. Так ли иначе, но с боевым искусством ниндзюцу как таковым завязали практически все. Все, кроме Ильи Коршунова.

⁶ ИТК – исправительно-трудовая колония.

– Я тренировался каждый день... Четко, по вашим методикам! – Этими словами встретил своего наставника Илья, один из всех учеников пришедший к воротам колонии, когда очередная амнистия даровала свободу Михаилу Рощину. Как единожды судимому и вставшему на путь исправления.

– Посмотрим, Илья...

А посмотреть было на что. Коршунов не только не потерял боевой формы, но заметно прибавил. Он за считанные секунды, точно обезьяна, взлетал на самую верхушку высоченного, почти лишенного сучьев дерева, шутя перешибал несколько кирпичей, а в спарринге Рошин с трудом блокировал его жесткие удары и далеко не всегда пробивал защиты.

– И еще я научился останавливать пульс... Помните, вы показывали?

И действительно – в течение нескольких мгновений Илья превращался в абсолютно безжизненное тело, труп, и мог в таком состоянии пребывать несколько минут.

– Молодец... Однако не злоупотребляй этим. Береги на крайний случай, – так откомментировал Наставник вновь приобретенные качества своего ученика.

С того часа они тренировались каждый день. Илья набирался новых знаний и умений, а Рошин старался восстановить то, что знал и умел до «командировки».

– Слово «ниндзюцу», Максим, дословно переводится как искусство быть невидимым. То боевое искусство, которому ты хочешь научиться, должно быть всегда с тобой, но остальные не должны об этом догадываться. То есть свои боевые умения ты должен применять лишь в самых крайних, необходимых случаях. – Михаил Петрович выжидающе посмотрел на Максима.

Утро они встретили пятнадцатикилометровой пробежкой, купанием в озере. А пять минут назад Максим подтянулся тридцать раз на перекладине, а затем выполнил несколько «больших оборотов» – в просторечье это называется «крутить солнце». Он нисколько не выглядел уставшим, тем не менее Рошин решил сделать перерыв.

– В отличие от самураев, ниндзя всегда были неприметны, как бы невидимы, – продолжал Рошин.

– Я думал, ниндзя и самураи – это одно и то же, – покачал головой Максим, завороченно глядя на учителя.

– Нет! Наоборот, разница огромная, – Рошин даже удивился неведению парня. Ведь тренировался рядом с Коршуном... Неужели некому было разъяснить? – Самураи ненавидели ниндзя. Считали их хитрецами, бесчестными обманщиками. Ниндзя в их глазах – сброд, плебеи. А ниндзя и в самом деле, в отличие от самураев, были выходцами из самых низов. Но самураи в их оценке ошибались – ниндзя имели свой кодекс чести, мало похожий на кодекс европейского рыцарства, но весьма строгий и отличный и от самурайского бусидо.

Самураи служили своему феодалу, были по сути наемниками и, участвуя в феодальных войнах, пополняли свое состояние. Ниндзя же были всегда верны своему родовому клану и тем представлениям о справедливости, которые были этим кланом установлены. Самураи презирали и ненавидели ниндзя, потому что те зачастую были куда искусней их в бою, да и крестьянство больше поддерживало этих выходцев из низов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.